

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/12893596>

Синие зори Астры

Направленность: Гет

Автор: pippiTheLongStocking (<https://ficbook.net/authors/4128297>)

Фэндом: Ориджиналы

Рейтинг: NC-17

Размер: планируется Макси, написано 26 страниц

Количество частей: 4

Статус: в процессе

Метки: Рабство, Телесные наказания, Упоминания наркотиков, Искусственные интеллекты, Трансгендерные персонажи, Аборт / Выкидыш, Флирт, От незнакомцев к возлюбленным, Гендерная дисфория, Буллинг, Временная смерть персонажа, Упоминания изнасилования, Глобальные катастрофы, Научная фантастика, Убийства, Примирение, Любовь с первого взгляда, Модификации тела, Упоминания религии, Признания в любви, Технологии, Свидания, Хирургическая коррекция пола, Плохой хороший финал, Первый раз, Унижения, Принуждение, Начало отношений, Развитие отношений, Другие планеты, Насилие, Underage, Романтика, Ангст, Драма, Психология, Повседневность, Повествование от первого лица, Hurt/Comfort, Вымышленные существа, Антиутопия, Здоровые отношения, Женская дружба, Репродуктивное насилие, Вечная молодость, Наука, Упоминания секса, Сражения

Описание:

Любовный роман в сеттинге твёрдой(это важно!) научной фантастики. Мир после технологической сингулярности, когда люди перестали быть венцом эволюции.

Мир, в котором люди, вышедшие было в космос, вымерли, либо были заменены сверхинтеллектами везде, кроме Марса, а на Марсе цивилизация людей сколлапсировала в неосредневековье, сосредоточившись только на выживании, теряя технологии каждый год.

Посвящение:

Спасибо Шикову, без которого этот роман, вероятно, развалился бы, не будучи написанным

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания:

Эта история должна стать частью цикла. В следующем романе действие запланировано в современности, в исторической симуляции, запущенной на суперкомпьютере, в который превращён Титан.

В третьем произведении действие будет перенесено на Землю, контролируруемую сверхразумами, и в четвёртом, завершающем, вернётся на Марс.

Текст не очень хорошо вычитан - хочу дописать историю, а потом уже доводить стилистику до кондиции. Буду благодарна за сообщения об ошибках!

Оглавление

Оглавление	2
Часть 1	3
Часть 2	8
Часть 3	14
Часть 4	18
Сноски:	30

Часть 1

**420й год по летоисчислению Марса, 15-тое 2-сентября^[1], вечер,
Астра**

Стою в шлюзовой камере, жду пока автоматика откачает из неё воздух в баллон и заполнит марсианской атмосферой, так и оставшейся непригодной для дыхания, несмотря на предпринятую несколько веков назад попытку терраформирования. Прорезиненные стенки камеры дрожат от работы мотора, но его звук, первоначально громкий, становится тише из-за более низкого давления.

В моей руке подзорная труба кустарного изготовления. Её изготовила я сама, по заданию руководства Сектора. Ничего особенного в ней нет, кроме оптической стабилизации изображения.

Примечательно другое: только благодаря этой трубе, а точнее, тому, что я увлеклась оптикой и читала про неё довольно много, решала задачи из ещё Земных учебников, написанных до Сингулярной Катастрофы^[2], я всё ещё жива. И, благодаря этому же, я теперь в рабстве. Или, как говорят местные жители Сектора, я ногфлерка. Вот, дверь шлюза открыта.

Я выхожу на улицу, оглядываюсь на свой дом, отбрасывающий длинные тени в свете вечернего солнца, состоящий из двух ржавых железных бочек, с пристыкованным к ним надувным шлюзом, установленных на ржавых же распорках, сделанных из чего-то напоминающего куски рельсов. Вероятно, я должна радоваться, что живу в отдельном доме, а не на нарах в одном из барачков, как обычные ногфлеры Сектора, которые не являются специалистами. Должна, но не могу. Не могу, потому, что мне мне очень тяжело. Я устала, мне одиноко, ведь у меня не осталось никого, кроме тётки, отношения с которой далеки от благополучия. Я забрала трубу с работы домой, потому, что должна была протестировать систему стабилизации изображения в ночных условиях. Задание можно было бы выполнить, проверяя работу трубы по объектам ландшафта посёлка, в котором я живу, но мне просто необходимы свежие впечатления, какое-то приключение, что-то принципиально новое! Я решила использовать собственную трубу, чтобы посмотреть на Землю, таинственную прародину человечества, и место появления постлюдей — могущественных представителей сверхразума, который сменил человечество в качестве доминантной расы по всей Солнечной системе, кроме Марса.

Насколько я поняла из досингулярного видео и текстового контента, Люди не слишком-то приспособлены жить где-то кроме Земли, и мы должны были вымереть и на Марсе. Человечеству повезло не только успеть основать марсианскую колонию до появления искусственного интеллекта, но и поднять давление атмосферы в ходе незаконченного терраформирования до уровня заметно выше предела Армстронга^[3]. Не знаю, выжили ли бы мои предки на Марсе, если бы были вынуждены одевать скафандр всякий раз, чтобы выйти наружу, но знаю, что мне бы сейчас было бы ещё более грустно, если бы на мне вместо моего фиолетового с полосками комбинизона и лёгкой кислородной маски был громоздкий скафандр!

Я иду по улочке мимо других ржавых бочек, которые жители посёлка используют в качестве жилищ. На встречу мне с работы движутся усталые ногфлеры в полосатых комбинизонах разного цвета — на этой улице, где живут специалисты, в основном оранжевого, мужского и, как у меня, фиолетового, женского цвета.

Полоски, брр! Только я о них подумала, и меня передёрнуло: полоски на

комбинезоне должны были напоминать нам о том, что сделает с кожей нерадивого ногфлера хлыст, если фунджанин останется недоволен его работой. Да, меня тоже били хлыстом. Но нет, не хочу об этом вспоминать! Каждый ногфлер в поле моего зрения подписан его именем, и, если задержать на нём взгляд, во всплывающем полупрозрачном окошке, номером. То же верно и для бочек-жилищ. Это старается мой нейрочип, а точнее, нейрочип и пипбой^[4] — имплантированный в мою руку компьютер нашего, марсианского, а поэтому примитивного изготовления, который связывается с серверами Социальной Сети Сектора.

Только я подумала о нейрочипе и пипбое, как мне стало ещё более грустно — до того, как меня захватили в рабство, у меня был старый, досингулярный нейрочип, изготовленный на Земле до Катастрофы. Я подняла к глазам руку, и посмотрела на пипбой, который, на мой взгляд, портил то, как она выглядит, совсем не сочетаясь с моими тонкими пальцами своим брутальным видом с его монохромным зеленоватым экраном, сделанном с помощью кинескопа, а не LCD панели, изготавливать которые мы на Марсе разучились больше века назад до моего рождения. Мой старый нейрочип, который вырезали и отдали какому-то фунджанину, был достаточно мощным компьютером сам по себе, и не требовал внешней вычислительной поддержки. За что мне это всё? Мне кажется, люди на Земле были куда более счастливы, чем мы на Марсе. Возможно, это касается и фунджанинов. В каждом втором фильме у девушки на Земле был свой парень, который о ней заботился. Она просто сидела дома и ничего не делала, кроме как растила детей, и при этом говорила, что это очень скучно, и что она хочет на работу! С ума сойти.

Я завернула за угол, и вышла на площадь на краю посёлка. Поравнялась с недавно установленной, а поэтому ещё не ржавой бочкой с водой, используемой как главный резервуар посёлка.

В отражении я увидела себя, и подумала, что, пожалуй, не всё так плохо в моей жизни: я по-настоящему красива. Это видно даже несмотря на одетую на меня фиолетово-полосатую кислородную маску, скрывающую всё лицо, кроме глаз. Повертевшись перед отражением, рассмотрела свою фигуру — у меня узкая талия, широкие бёдра, круглая, упругая задница и высокая грудь.

Пожалуй, я должна благодарить за это своих угнетателей — у меня новое, искусственно выращенное тело, куда роботизированный хирург Торговой Лиги, оставшийся с досингулярных времён, пересадил мой мозг, с такими нужными для Фунджанинов знаниями в оптике. К сожалению, моё новое тело, из-за технологического регресса, должно будет стареть в несколько раз быстрее обычного. Но это не то, за что я должна ненавидеть фунджанинов: ведь если бы не это тело, я бы уже была мертва.

Тем не менее, у меня не так много времени. Мне кажется, его совсем мало, чтобы успеть пожить. Поэтому, я считаю, моя жизнь должна гореть ярко и быстро, как подожжённая в атмосфере Марса струя фтора^[5], вырывающаяся из реактивного двигателя. Именно поэтому, преодолевая страх наказания, я иду на холм, который закрывает вид на Запад и Землю, мимо станции канатной дороги, на которую сейчас прибывает кабинка.

На всякий случай, я ускоряюсь, надеюсь, что успею уйти прочь, до того, как люди из кабинки подойдут к программному барьеру, окружающему посёлок. Я бегу, и мой пипбой автоматически начинает подавать больше кислорода из заплечного баллона. Моё дыхание, такое шумное в этой дешёвой маске ногфлера, теперь шумит ещё больше. Успеваю подбежать к барьеру до того, как на тропинке к посёлку появится кто-то из прибывших. Перед глазами появляется красная, полупрозрачная стена. Я пытаюсь сделать шаг, но мои мышцы меня больше не слушаются, а перед глазами появляется надпись:

» сторожевой демон посёлка N42. Внимание! Распознана и заблокирована подозрительная активность. Ногфлер 116.114.97.112 по кличке Астра, Назовите цель покидания посёлка?

Я теряюсь, и не знаю что ответить цифровому вахтёру. Кликаю взглядом по клавиатуре, и пишу первое пришедшее в голову: «поддержание физической формы. Бег вверх и вниз по холму», но потом вспоминаю, что биочип в Секторе настроен у ногфлеров так, что периодически напрягает неиспользуемые мышцы, как бы это ни было для нас неприятно, что позволяет поддерживать физическую форму, даже если ногфлер не будет вставать с кровати месяцами, если бы такое кому-то из нас разрешили.

Сторожевой демон задумывается на несколько секунд, и предсказуемо пишет красной надписью перед глазами:

» В доступе отказано.

Тем временем, из башни, к которой причалила кабинка, выходит толпа неестественно бодрых, нервно переговаривающихся с друг другом людей. Это шахтёры в их оранжево-полосатых комбезах. Они под наркотиками, которые Сектор принудительно колет через пипбои всем, задействованным на тяжелых работах ногфлерам.

Ну и конечно же, среди них Дупер! Не очень понимая, что делаю, я, нервно оглядываясь, пытаюсь продавить программный барьер. Конечно же, это у меня не получается, зато Дупер легко преодолевает барьер с другой стороны, и сперва лапает за задницу, а потом вообще хватает в охапку, и шумно целует в ухо.

У него бешенные глаза с огромными чёрными зрачками — несмотря на то, что все люди на Марсе несут в своих генах устойчивость к ультрафиолету, задействованные на тяжелых работах долго не живут, потому, что слепнут от солнечного ультрафиолета, а бесполезные рабы Сектору не нужны. По какой-то причине, ногфлерам запрещены тёмные очки. Я думаю, фунджанины сделали это из соображений безопасности, для работы системы распознавания лиц, если идентификация по чипу почему-то засбоит.

Я чувствую омерзение, и пытаюсь вырваться из охапки обдолбанного, почти забыв о трубе, которую чуть не выронила. Последнее обдало меня волной ужаса, и я подумала, что должна использовать вместо силы, в которой преимущество у Дупера, разум, с которым у шахтёра проблемы даже когда он трезв.

Пытаясь игнорировать сильные, покрытые морщинами и химическими ожогами руки, похотливо ощупывающие меня, я подключаюсь к демону, лихорадочно накликаю и отправляю: «доклад о нарушении закона о Праве Первой Ночи. Ногфлер личный номер 99.97.105.115.101.114 пытается получить то, что принадлежит только фунджанинам и до того, как заявитель доклада вошла в возраст». Перед глазами появляется красная надпись:

»заявление о нарушении принято. Наложены обеспечительные меры в виде коллапса мышечной активности ногфлера 99.97.105.115.101.114, по кличке Дупер

Цепкие руки ослабевают, и мы валимся с утоптанной ногами ногфлеров тропинки на красно-чёрный, в свете заходящего солнца, песок. Я падаю сверху Дупера, мне не больно, но сама вышибаю из него дух, он начинает кашлять. Труба ударяется о его голову в шахтёрском шлеме, отскакивает, и катится в сторону. Я в панике вскакиваю, подбегаю к ней, но с облегчением вижу, что она цела. Тут же отправляю новую команду: «заявление о срочной работе по

проекту зоркий глаз. Для отлова возможных редких багов в прошивке трубы необходим доступ на холм и наблюдение за посёлком сверху ночью после захода солнца». Компьютер что-то вычисляет несколько мгновений в своих электронных потрохах, удалённых от меня на несколько десятков километров и расположенных в датацентре в Столичном городке, а потом выдаёт:

»заявка одобрена. Информация о заявке и предоставленном доступе отправлена начальнику проекта — фунджанину Деду.

Тут же понимаю, что завтра меня ждут большие проблемы. Но это будет завтра, а сейчас я свободна как птица, летающее животное на старой Земле, и я бегу, лечу вверх по склону холма, и даже не слишком досаую, когда перед глазами загорается сообщение:

»заявление о нарушении не подтвердилось. Ногфлер 99.97.105.115.101.114, по кличке Дупер не нарушал половую неприкосновенность заявителя, и, по его утверждению, и не планировал нарушать

Через мгновение я так же получаю входящую мыслеграмму от Дупера: «я просто хотел тепла, добра и понимания. Ты такая красивая и мягкая. И у нас с тобой осталось так мало времени. Ты точно хочешь умереть в одиночестве?», к которой приложена эмоция одиночества, хотя я уверена, что в реальности Дупер не чувствовал ничего, кроме похоти.

Я конечно же игнорирую сообщение, и бодро скачу вверх по камням холма, потому, что обувь комбеза не предназначена для таких путешествий, и утонет в песке. Вокруг постепенно темнеет. Я вижу дорогу всё хуже и хуже. Один раз, я недопрыгиваю до камня, и падаю.

В медленном, в пониженном тяготении Марса, падении я как всегда успеваю выставить свободную руку, больше переживая за трубу. Конечно же, я не получаю никаких ссадин благодаря всё той же сниженной гравитации, и плотному комбезу — я читала, что люди на Земле получали, при падении, травмы довольно часто.

Встаю, отряхиваю колени комбинезона от пыли, и включаю силой мысли фонарик на пипбое, вытягивая руку с трубой и имплантированным компьютером вперёд. Переключаю разные цвета, попробовав красный, зелёный, и останавливаюсь на синем, который, как мне кажется, лучше соответствует атмосфере момента.

Синий луч света узким конусом выхватывает крутой, восходящий склон холма из стремительно проваливающихся в бездну тьмы окрестностей. Я продолжаю прыгать наверх, но теперь более медленно и осторожно. Показывается вершина холма, и вот, я на вершине.

Отключаю фонарь, чтобы не портить вид. Впереди меня синяя заря^[6], сзади огни посёлка. Я чувствую небывалый душевный подъем, и наслаждаюсь моментом, оглядываясь, фиксируя в памяти этот вид. Пусть я и видела закаты уже множество раз, особенно до захвата в рабство, но всё ещё не научилась отмечать красоту момента.

Когда надоедает, решаю поработать и заработать себе хоть какое-то оправдание перед начальством — я отлаживаю программу прошивки трубы по посёлку, водя трубу между огнями и подсвечиваемыми ими бочками зданий.

Изображение не всегда стабильно, поэтому я держу перед глазами и полупрозрачное окошко с исходным кодом скрипта^[7], управляющем стабилизацией. Честно говоря, я не слишком сильна в программировании, поэтому приходится учиться на лету.

Тем не менее я удовлетворяюсь, наконец, как программа работает, и

придумываю «отмазку» зачем я стала смотреть на Землю — «очевидно», чтобы отловить возможные редкие баги. Чувствую, что начинаю замерзать, и что одета я слишком легко, поэтому Собираюсь с духом, и навожу трубу на вечернюю и утреннюю звезду^[8] — на Землю

Часть 2

420й год по летоисчислению Марса, 15-тое 2-сентября, время заката, Алекс

Смеркалось. Солнце клонилось к закату, вокруг разливалась синь^[9], и уже вовсю проявлялись звезды, проступлению мириадом огоньков которых помогала тонкая атмосфера, хоть и не такая тончающая, как сотни лет назад.

Алекс совершал обычный, для несения вахтенной службы, обход территории. Этот обход был, во многом, формальностью, так как боевые качества военных дронов отцов-основателей, которые всё ещё имелись у фунджанинов их сектора, были много выше.

Однако вахты, помимо предотвращения военной угрозы со стороны фунджанинов других секторов, были важны и с точки зрения воспитательного характера на ногфлеров. Ногфлеры должны были видеть, что фунджанины, словно гончие из сказок со старой Земли, охраняющие стадо овец, охраняют их от набегов, которые не несли никому в секторе ничего хорошего: сами фунджанины могли погибнуть в отражении набега, ну а ногфлеры — те были просто дичью. Фунджанины старались беречь своих ногфлеров, и слишком сильно и беспричинно их не мучить — ведь ногфлеры ценная собственность, рабочий материал, нужная для выживания самих фунджанинов. Но в случае с чужими ногфлерами фунджанинов обычно не сдерживало совсем ничего, и зверства просто ради забавы были, к сожалению, нормальны. Особенно, если не было шанса захватить попавшихся ногфлеров в полон и перевезти в свой сектор, либо продать торговцам как живой товар, и нужно было уходить из набега налегке.

Алекс бодро топтал берцами песок, несколько минут назад сменивший цвет с красного на чёрный — их сектор находился близко к экватору, и тут темнело быстро — как вдруг в верхней части поля зрения Алекса замигала красная точка входящей мыслеграммы. Алекс привычно кликнул курсором взгляда, чтобы развернуть полупрозрачное окошко мыслеграммы, и отметил, что технологический регресс неумолим — ведь раньше мыслеграмма была действительно мыслеграммой — она пересылала мысли одного человека другому через Сеть. Сейчас же она пересылала только эмоции, а текст надиктовывался отправителем вслух, и, уже произнесённый, распознавался пипбоем^[10] через микрофон в кислородной маске.

При этом фунджаниновская маска была сконструирована так, чтобы подавлять звук, и в ней можно было орать — и человек, стоящий рядом, не услышал бы ни звука.

Ногфлеровская же маска была устроена обратным образом, и, за счёт эффекта резонанса звука, многократно усиливала то, что говорил в маске ногфлер — ведь скот, даже если он и человеческий, иметь приватности не должен. А без эффекта резонанса что-либо разобрать в тонкой марсианской атмосфере, о чём именно переговариваются ногфлеры на полевых работах в своих мыслеграммах, мимо проходящим надсмотрщикам-фунджанинам было бы затруднительно. Мыслеграмма была от Цзиньлуна, сводного брата, который не был бастардом, т.к. был рождён от одной из официальных жён отца. Брат был законнорождённым, поэтому он и был назначен на командование отрядом бастардов.

Когда Алекс запустил мыслеграмму, он ощутил привычное, лёгкое презрение. В его черепе зазвучал голос: «Ублюдок, слушай приказ: в квадрате 1С3 находится ногфлерка, личный номер 116.114.97.112. Кличка — Астра. Нарушает

объявленный комендантский час — сам знаешь, Дед после ранения в голову теперь видит видения, и переубедить его бесполезно. Говорит, что будет набег. Проводи ногфлерку к себе в ночную бочку, и скажи, чтобы больше не выходила.»

На самом деле, Брат не относится к Алексу плохо, он, наоборот, его патронирует. Но сословные традиции Сектора заставляют его себя вести именно таким образом. Поэтому, Алекс привычно не обратил внимания на форму сообщения брата, зато задумался о его смысле.

«Хм, странно — подумал Алекс, кликнув мыслимым усилием по иконке навигатора, и продиктовав пипбою голосом квадрат — Почему у девушки личный номер начинается с единицы?»

Уже двигаясь туда, куда ему указывала стрелочка навигатора, он не удержался, и, вместо того, чтобы сосредоточиться на задании, развернул полупрозрачное окошко социальной сети Сектора.

На фотографиях ногфлерка предстала наивной и мечтательной девушкой. Писала, что любит чтение книг, написанных до катастрофы, особенно любовных романов XXго века и фантастической литературы начала XXIго века по так и не случившейся колонизации других звездных систем. В графе родителей Астры стоял прочерк. Единственная родственница тётя. Продолжая двигаться по направлению к девушке, Алекс кликнул взглядом по повышению привилегий, подтвердив их своей биосигнатурой. Ему открылся расширенный, фунджаниновский интерфейс. Заинтересовавшийся Алекс открыл первый отсчёт:

Отсчёт командира 4го отряда Бастардов от 29го 2-июня^[11], 416го года

29го июня-2, 416го года, я со своим отрядом патрулировал территорию согласно приказу командования. Незадолго до рассвета мною была получена тревожная мыслеграмма от датчика обнаружения вторжения. Предполагая, как обычно, что это ложное срабатывание на пылевой дьявол^[12], я отрядил бойца, условного фунджанина Шена, на обследование периметра, и продолжил патрулирование как обычно. Однако боец Шен доложил мне, что это вовсе не ложное срабатывание, а кто-то и в самом деле прорезал дыру в сегменте колючей проволоки, перед этим попробовав сделать подкоп.

Мною по тревоге были подняты поисковые дроны, так же я, согласно уставу патрульной службы, отдал приказ по загону бойцами отряда тех ногфлеров, кто был задействован на ночных работах, в их ночные бочки.

Через короткое время интродер был обнаружен. Интродером оказался человек женского пола. Одежда интродера не была распознана как униформа какого-либо сектора — точнее, система распознавания изображений выдала совпадения по униформе с несколькими секторами, включая наш. Как и ожидалось, команды на коллапс мышечного потенциала, которые выдал поисково-хватательный дрон в сторону интродера, были проигнорированы её чипом.

Я немедленно отдал приказ всем бастардам двигаться на перехват интродера, предусмотрев, что интродер может начать грамотный отход — бастардам было приказано зажать её в клещи со всех сторон.

Командир 3го отряда бастардов, осуществлявшего дежурство в Башне Управления Дронами, фунджанин Юшенг отдал приказ на ловлю интродера с применением спецсредств. По какой-то причине у него это не вышло, и Юшенг собирался задействовать боевой рой. Я выразил протест, отправив широковещательную^[13] мыслеграмму, что без санкции Деда он не может использовать артефакты, после чего Юшенг распорядился разбудить Деда.

Тем временем, недавно вошедший в состав моего отряда фунджанин-кадет Ксан

обнаружил интродера. В соответствии с уставом караульной службы, я отдал приказ Ксану не открывать огонь, так как нам нужна информация, что это за интродер и откуда — она нужна нам живой, но и не пытаться вступить с ней в борьбу. Фунджанин-кадет Ксан нарушил мой приказ не приближаться к интродеру, и в ходе короткой борьбы, обездвигил её.

Мною был сделан официальный выговор кадету-фунджанину Ксану, за что тот был лишен права на сексуальную разрядку, используя захваченную.

Захваченная была предложена всем членам отряда бастардов, и каждый прислал отказ, обычно мотивируя тем, что от задержанной плохо пахнет. Я отказался в связи с тем, что предпочитаю лиц мужского пола, а мой долг на осеменение ногфлерок в этом году уже выполнен.

Командир отряда, фунджанин Зэн

«Хаха, не слышал про эту историю! Как это похоже на Юшенга — чуть что, если его полномочия оспаривают, жаловаться деду. Но будить его под утро — он просто псих. Теперь понятно, за что его разжаловали» — подумал Алекс, и кликнул взглядом по следующему отсчёту:

Отсчёт командира 3го отряда Бастардов, фунджанина Юшенга от 29го июня-2, 416го года

29го июня-2, 416го года, я со своим отрядом дежурил в башне управления дронами. Под утро Фунджанин Зэн, инициировал алерт первого уровня, в связи с обнаружением одиночного вторжения. Так как уже светало, и небо уже посинело, мной был отдан приказ на задействование поисково-хватательных дронов производства Сектора, в которых нет компонентов-артефактов.

Через 22 минуты управляемый мной дрон обнаружил интродера. Система распознавания образов, запущенная в третьем подземном датацентре, выдала противоречивые результаты про интродера, вероятно, в связи с тем, что доля синего цвета была слишком высока, прикрепляю их к отсчёту:

женщина с вероятностью 85%

Не является ногфлером нашего сектора с вероятностью 99,95%

Не является ни одним известным фунджанином, либо бастардом фунджанина ни одного сектора с вероятностью 80%

Носит униформу нашего Сектора с вероятностью 10%

Носит униформу сектора Эллады с вероятностью 25%

Носит униформу сектора Олимпа с вероятностью 30%

Используя прямое телеуправление дроном со своего нейрочипа, я попытался атаковать интродера с использованием спецсредств, чтобы в соответствии с уставом караульной службы обездвигить интродера с целью дальнейшего допроса. Атака была вскрыта интродером, она успела задействовать устройство для постановки помех. Управление дроном было утеряно.

Мною был сделан ошибочный вывод, что система распознавания образов как обычно выдала неверные результаты, и интродер является опытным бойцом из одного из конкурирующих с нами секторов, и данное вторжение это разведка боем. Предполагая, что счёт идёт на мгновения, я отдал своей команде бастардов приказ на экстренную расконсервацию роя автономных боевых дронов — ценного артефакта, за сохранность ресурса которого я нес в это дежурство персональную ответственность.

Мой приказ был оспорен фунджанином Зэном, он потребовал санкции Деда на задействование артефакта. Предполагая, что фунджанин Зэн ошибается в своей оценке серьёзности ситуации, я отправил экстренную мыслеграмму в нейрочип спящего Деда с описанием ситуации, прикрепив к ней эмоции решительности и опасности.

В отдел датасайнс-программистов была отправлена жалоба на очередную неспособность что-либо распознавать не в условиях преобладания красной части спектра днём, а на рассвете и на закате, когда преобладает синяя часть спектра

В отдел конструирования дронов отправлена жалоба на очередную неспособность дрона противостоять помехам, поставленным кустарным устройством.

Моей вины в случившемся нет. Прошу отменить решение деда о моём разжаловании в кадеты-фунджанины и перекомандировании в 4й отряд Бастардов. В случае отказа в отмене разжалования, прошу направить меня во второй отряд Бастардов

«Лучше бы он, неумеха, остался в 4м отряде» — подумал Алекс, и открыл следующий отсчёт:

Отсчёт Кадета-фунджанина Ксана

29го июня-2, 416го года, в ходе устранения инцидента, связанного с вторжением интродера, после получения её координат, я сумел первым установить с ней визуальный контакт.

Командир Зэн похвалил меня, и приказал мне держаться вне поля зрения интродера. Я был горд похвалой, и не собирался нарушать приказ — узнав, что интродер женщина, я уже предвкушал возможность внеплановой сексуальной разрядки, и думал только о том, что я скоро узнаю, правда это или нет, что у женщин из других секторов три либо одна сиськи, но не две.

Приказ был мною выполнен, однако интродер вскрыла мою позицию. Проявляя инициативу, предписанную по уставу караульной службы, я резко сблизился с интродером, и провёл серию ударов по её корпусу. Интродер упала. Я попытался обездвигнуть её с помощью наручников, однако она оказала сопротивление, ударив меня по бронеовой пластине украденным у сектора генератором кислорода, от чего последний вышел из строя. С целью успокоить интродера, я сорвал с неё кислородную маску неизвестной конструкции, выглядящую как что-то кустарное. Интродер и вправду оказалась женщиной, потрёпанного вида. Обонятельные сенсоры моего комбакт-костюма передали вонь, исходившую изо рта интродера, о чём я отправил мыслеграммы другим бойцам нашего отряда бастардов.

Я считаю, что информация, полученная от интродера о том, что моя позиция вскрыта не была, это ложь и женская месть мне за то, что я рассказал другим бастардам, что интродер сексуально непривлекательна. Такие как она должны иметь бешенство матки, от того, что не нравятся никому. Она наверняка очень зла на меня за то, что была казнена, испытывая сексуальный голод.

Алекс испытал ярость, и сделал зарубку в памяти, что он должен каким-то образом либо дать понять Ксану, что те, кого он насилует по традиции Сектора, вовсе не так счастливы, как он в этом почему-то в этом уверен. Однако ярость позволила Алексу осознать, что прошло уже довольно много времени, поэтому он не стал читать следующие отчёты по инциденту, а потратил половину своего трудосола^[14] на заказ в Компьютерном Облаке Сектора автоматического анализа других отсчётов, и предоставления ему краткой выжимки из них.

И в кратком резюме обнаружилось то, что Алекса шокировало:

Во-первых, как сам Алекс уже догадался, отсчёте команды бастардов, составленного из незаконнорожденных сыновей двоюродного дядьки Алекса, Алекс прочитал, что Астра была «дикой», из скрывавшейся десятилетиями от фунджинов религиозной секты Церкви Симуляции.

Пойманная интродер оказалась мачехой Астры.

После непродолжительного допроса с использованием спецпрепаратов, физических пыток, и пыток с помощью нейрошунта, она раскололась и навела отряд на схрон секты, в которую, как оказалось, входит несколько десятков человек. В ходе ловли свободных по какому-то недоразумению ногфлеров, почти все, кроме тётки, родные Астры были убиты либо при попытке к бегству, либо когда бастарды вымещали на них злость — так, её сестра погибла от внутреннего кровоизлияния после того, как её много часов насиловал по кругу весь отряд.

Но, во-вторых, и в главных, Астри была в тот момент мальчиком всего 6 марсианских лет [\[15\]](#). Таких, обычно, при захвате новых рабов не трогали, так как считалось, что они хорошо перевоспитываются.

Из резюме медицинского отчёта следовало, что при обследовании доставленной, на базу, живой добычи, выяснилось, что Астри родилась с редким врождённым дефектом, возникающим при гормональном сбое во время беременности — когда мозг ребёнка формируется при большом количестве гормонов противоположного пола. У Астры был так называемый синдром гендерной дисфории. Обычно такого рода врождённые уродства выявлялись медицинской системой сектора ещё до рождения ребёнка. Если ещё не рождённый ребёнок был ногфлером, то безусловно делался аборт — зачем фунджанинам дефектное живое имущество? Если же будущий ребёнок был фунджанином, то возможны варианты. Обычно, если это была девочка, которая бы потом не смогла бы жить как девочка, и хотела бы стать парнем, то такого ребёнка не абортывали, а заказывали у торговцев дорогостоящее выращивание в искусственной матке — одном из технологических артефактов давно минувших дней — клона тела ребёнка со слегка подправленным геномом — с заменой одной из X хромосомы на Y. Алекс знал из летописи сектора, что таких случаев, за историю сектора, было несколько десятков. Да и прямо сейчас в соседнем, союзном секторе был один такой фунджанин. Девочек же в теле мальчика абортывали почти всегда, но в редких случаях всё же оставляли, обычно если об этом просила, например, любимая жена фунджанина, и делали с ними аналогичную, но обратную процедуру. Алекс так же слышал краем уха, что небинарных даже фунджанинов абортывали всегда, т.к. они не могли вписаться в иерархическое, кастовое общество Марса.

Алекс прочитал в резюме по отчёту, что насчёт Астры развернулась дискуссия. Медицинский консилиум предложил отправить Астру на компост для питания гидропонных ферм согласно утверждённому списку разрешённых дефектов развития — гендерная дисфория никак в него не входила, т.к. такие работники, без дорогостоящего лечения, обычно были склонны к суициду, и мешали остальным ногфлерам своим нестандартным поведением. Однако, незадолго до того, как у Астры выявили этот дефект развития, комиссия, которая экзаменовала захваченных ногфлеров, написала уже в своём отчёте, что у неё есть профессиональные знания оптика, которых не было ни у одного человека в секторе — все оптические приборы сектор закупал у Гильдии Торговцев. После долгой дискуссии между троюродным дядей Алекса, отвечавшем за медицину, и его двоюродной тёткой, отвечавшей за образованные кадры сектора, было решено оставить Астру в живых и использовать её на благо фунджанинов. Сперва Астре решили прописать более дешёвые для сектора женские гормоны, собственного производства, с момента начала пубертата (до которого оставалось вряд ли более года), рассказали ей об этих планах, и, собственно, присвоили имя Астри, разрешив жить как девочке. По данным эмоционального мониторинга, это улучшило её психологическое состояние, и она смогла доказать свою полезность, сделав несколько прицелов для стрелкового оружия, и взялась делать телескоп для дирижабля наблюдения — её куратор-фунджин был ей очень доволен.

Однако далее, в отсчёте ещё одного отряда бастардов, выполнявшего патрулирование, и прибывшего по сигналу тревоги с микрочипов участников (была зафиксирована агрессия, ненависть, а так же отчаяние) указывалось, что Астра столкнулась с травлей со стороны тинейджеров-ногфлеров, которые дразнили её пацаном в юбке, и далее, на следующий день, согласно новому медицинскому отчёту, её личный микрочип зафиксировал суицидальные эмоции. Между фунджанинами развернулась повторная дискуссия, в ходе которой было принято решение не разбрасываться ценными кадрами, и инвестировать деньги в нормальное решение проблемы. Астру, в ожидании медицинского решения, заперли на несколько месяцев в помещении с резиновыми углами и мебелью, которое использовали последний раз 50 марсианских лет назад для фунджанина, который сошёл с ума и хотел сделать самоповреждение^[16]. Астре наказали продолжать учиться теории оптики, лишив возможности практиковаться, и, на всякий случай способа что-то с собой сделать с помощью осколков оптического стекла либо инструментов. Потом торговцы привезли робота-хирурга, и выращенное, с помощью ускорения роста, новое тело для Астры — с биологическим возрастом на пару лет её старше, специально, чтобы половые признаки были явными и женскими. По этому поводу между торговцами и фунджанинами сектора возник небольшой конфликт, о чём был ещё один отсчёт:

ускоренно выращенное тело, оказывается, старело быстрее обычного. фунджанины указывали торговцам на то, что они заказали тело для ценного раба, и рассчитывали на то, что раб проживёт долгую жизнь, трудясь на пользу сектора. А тут, оказывается, через 8 лет раб уже начнёт разваливаться от старости — сплошное разорение.

На что торговцы отвечали, что они привезли ровно то, что заказывали — тело новорождённого ребёнка заказано не было, было заказано тело девочки пубертатного возраста, уже достаточно развитой и красивой, чтобы никаких намёков на синдром гендерной дисфории, на который уважаемые фунджанины пожаловались у своего раба, не возникло. Сделать это было нельзя без ускоренного роста. Переделать тело, чтобы оно не старело ускоренно, нельзя. Точнее, можно, но технология уже давно утеряна. Уважаемые фунджанины могут купить для своего раба новое, обычное тело — пять лет, оставшихся этому телу до дряхлости, вполне достаточно, чтобы вырастить новое тело без таких недостатков. Либо могут отменить своё дурацкое табу на терапию против старения у рабов — они, торговцы, дают требуемые лекарства всем своим ценным кадрам — как лично свободным, так и нет, благо препараты почти ничего не стоят, а если вы разучились их делать, мы всегда можем вам продавать их тоннами.

Алекс узнал из отсчёта, что было решено планы не менять, и робот-хирург провёл операцию по пересадке мозга Астры во вновь выращенное тело. В этом же отсчёте было написано, что это решило проблемы Астры с эмоциональным состоянием и с обществом — она обзавелась друзьями среди ногфлеров, а к тому, что она умрёт через шесть с небольшим марсианских лет, она отнеслась безразлично.

Вдруг перед взором Алекса замигала иконка новой мыслеграммы. Алекс выругался и развернул её. Отправитель был тот же. Его обожгло эмоцией нетерпения и злости на нерасторопность. Сообщение гласило: «Ты почему там застрял? Чем занимаешься? Почему ногфлерка всё ещё не в своей ночной бочке?»

Алекс отправил сообщение с извинениями, оттранслировав эмоцию вины, и отправился бегом по направлению стрелочки, ведущей к Астре.

Часть 3

420й год по летоисчислению Марса, 15-тое 2-сентября, после заката, Алекс

Навигационная стрелочка указывала за выступ скалы. Алекс уже был близок к заплутавшей ногфлерке. Лёгкие и прочные военные берцы так же хорошо сцеплялись с камнем скалы, как и с красным песком. Алекс бежал, ругая себя за то, что потратил так много времени на то, чтобы узнать, что случилось с Астрой. Её история вызвала у него эмпатию, и даже жалость к ней, но он никак не мог ей помочь — ведь это могло помешать его планам мести за то, что сделали с его мамой.

Алекс попробовал выкинуть всё это из головы, и раздражённо думал, зачем это ногфлерка забралась в такой дальний угол Сектора?

Алекс завернул за выступ, и увидел беглянку. И тут же его намерения выкинуть ситуацию из головы, и просто выполнить приказ рухнули. Алекс увидел грациозную девушку, одетую несколько не по погоде — Вечером быстро холодало — в лёгкий и элегантный перламутровый костюм с чёрными полосками.

Перламутровый цвет в Секторе обозначал женщину-специалиста, а чёрные полоски обозначали, что речь о лично несвободном человеке-ногфлере.

Девушка стояла, отставив свою длинную и красивую, в обтягивающем её перламутре, ногу назад. Она держала в руках что-то, напоминающее толстую подзорную трубу, и направленное в сторону синей, солнечной зари. Её пипбой, имплантированный в правую руку, поблёскивал металлическим цветом, и басовито гудел вентилятором, пытаясь охладить свои горячие и медленные вычислительные ядра местного производства — вероятно, выполняя какие-то сложные вычисления, которыми Астра управляла через мозговой интерфейс. Она стояла, закрыв глаза и слегка покачивала своей трубой — вероятно, та была слишком для девушки тяжела. Алекс заинтересованно посмотрел в ту же сторону, но не увидел ни на поверхности Марса, ни в чёрно-синем небе ничего, кроме утренней и вечерней звезды — Земли.

Алекс не смог сдержать любопытство, и, воспользовавшись прямой, широкополосной лазерной связью между своим пипбоем и пипбоем ногфлерки, используя свои уровни доступа фунджанина, скрытно подключился к зрительной коре её мозга.

Он увидел, что Астра смотрит в своё устройство на Землю, и что Земля время от времени подёргивается в её поле зрения, а Астра пытается отладить программу, которая бы стабилизировала изображение, вероятно, с помощью покачивания матрицы-приёмника в трубе.

В моменты, когда программа работает должным образом, можно заметить разницу в цвете между Северной Америкой и части центральной, которые постлюди отдали под разные геологические эпохи в истории Земли — в центральной америке сейчас «был» Девон, а в Северной — Юра.

Алекс присмотрелся к программе, нашёл в ней ошибку, и исправил её. Тут же изображение стабилизировалось, и на мгновение Алекс с Астрой увидели, что побережье «юрской» северной америки как будто бы зеленоватое — вероятно, оно богато водорослями. Точнее мешал разглядеть уже дифракционный предел оптики^[17].

Но тут ногфлерка осознала факт вмешательства, открыла свои большие, круглые глаза с густыми, чёрными ресницами, испугалась, закричала и выронила трубу. Её крик был усилен эффектом резонанса кислородной маски, и почти заглушил глухой, в разреженной атмосфере Марса, звук бьющегося

стекла.

Через мгновение Астра, посмотрев в социальной сети Сектора профиль Алекса, уверилась, что он свой фунджанин, не чужой. После этого она проявила неслыханную для ногфлера наглость, отвернувшись от него, и будто бы забыла о его существовании — наклонилась к разбитой трубе, и заплакала.

Алекс не знал что делать. Он виновато посмотрел данные с её нейрочипа, и выяснил, что ногфлерка не только находится в отчаянии — что было очевидно и по её внешнему виду — что так же она сильно замёрзла. Алекс скосил глаза вниз, к виджету внешней температуры, и увидел, что она составляет уже минус 20 градусов Цельсия. Это помогло принять решение, что делать дальше, и он отдал приказ выплунуть аварийную, согревающую накидку. Мягко, но настойчиво Алекс отобрал у Астры разбитое устройство, тут же скормив его своему рюкзаку, завернул её в согревающую накидку, и активировал её. Она расплзлась по телу Астры, герметизировать, и начала выделять тепло с помощью химической реакции. Накидка была красного, камуфляжного цвета. Этот цвет в Секторе был запрещён для всех, кроме фунджанинов-мужчин, но Алексу было на это плевать, и уж в этом случае он точно был в своём праве. Он отправил Астре мыслеграмму с пустым сообщением — не смог придумать, что продиктовать голосовому помощнику в пипбое — он передал эмоцию заботы и защиты. Приняв её, ногфлерка затихла, и подняла на него взгляд. Алекс, используя сервоусиление от костюма, без труда её поднял, и понёс по направлению к месту назначения. Астра испытала ощущение стыда, о чём Алекс узнал — ведь он не отключался от её нейрочипа — и стала вырываться. На что Алекс сказал ей вслух, используя голосовую связь бронекостюма: «не мешай» Неся Астру, он отправил мыслеграмму командиру: «ногфлерка личный номер 116.114.97.112 найдена. Слегка пострадала от холода и собственной неуклюжести, и теперь эмоционально нестабильна. Несу её к месту назначения», прикрепив эмоцию уверенности в себе, и ощущения хорошо сделанной работы.

После чего отправил другую мыслеграмму — второй жене Деда, которая выполняла в Секторе роль ключницы, экономки, ну или завхоза:

«Использовал одноразовый артефакт первого класса — согревающую накидку. Прошу выдать мне новую, а так же заказать такую же, для восполнения запасов, для прибытия со следующим торговым караваном»

Топча берцами чёрно-красный песок, и двигаясь по направлению стрелочки к ночной бочке Астры, Алекс пытался разобраться в своих чувствах. Ему нравилось держать её, теперь притихшую, в руках. Очень понравилось и то, что он почувствовал, когда «спас» Астру от холода. Когда вспомнил, как её напугал, рассмеялся. За пределы кислородной маски ни вышло ни звука, но Астра поняла по глазам, что Алекс смеётся, и ощутила недоумение, тут же считанное Алексом через нейроинтерфейс. Он послал ей мыслеграмму с информацией об ошибке в программе астры, и с записью видео, сделанного со зрительной коры Алекса, сохранённого в его пипбой — всё, что слышали, чувствовали, и видели ногфлеры, загружалось в Компьютерное Облако Сектора, как только их пипбой добирался до широкополосной связи, но фунджанины имели право на приватность, и аналогичная информация из их жизни хранилась только на личном пипбое — если, конечно, они не хотели сами её пошарить кому-нибудь. Астра в ответ послала мыслеграмму, в которой рассказала, что оптическая труба — это срочный заказ уважаемого фунджанина Деда, и теперь у неё будут проблемы (она приложила эмоции вины и надвигающейся катастрофы).

Отлаживать стабилизацию изображения по Земле и после захода Солнца было совсем не обязательно, но ей очень хотелось посмотреть на прародину человечества, и местообитание великих постлюдей своими глазами, ведь другого шанса может не представиться, а жить ей осталось не так и долго, и

поблагодарила за фикс программы.

Алекс не знал, что сказать и как успокоить, но ответил мыслеграммой немного невпопад, прикрепив эмоцию «впереди ещё много времени, расслабься», и с текстом, что раз она работает оптиком, то успеет создать ещё множество оптических инструментов, и у неё обязательно будет шанс посмотреть на Землю вооружённым глазом ещё раз. Он сам к ней обещает присоединиться в таком случае.

В ответ Астра тихо заплакала. Алекс не знал, что с этим делать. Он не решился пытаться воздействовать через нейрочип/пипбой, например, впрыснув в кровь Астры успокоительные, решив, что может таким образом потерять доверие дикорождённой.

Алекс, через полчаса. 42й посёлок ногфлеров

Алекс нёс Астру по узким улочкам посёлка, и в иллюминаторы его провожали любопытные взгляды ногфлеров. Наконец, он дошёл до покрытой ржавчиной ночной бочки, на которой стоял курсор, помещённый в его поле зрения нейрочипом.

Жилище Астры было переделкой из большого и малого топливного баков, соединённых пластиковым рукавом. Малая бочка использовалась как шлюз. Единственное окно было в шлюзе — прозрачная дверь.

Алекс спросил вслух, через внешние динамики бронекостюма: «согрелась?», на что Астра кивнула. Он поставил её на ноги, и позволил ей самой открыть дверь шлюза — ему не хотелось её принуждать к чему-либо. Алекс достал разбитую трубу и инструмент для устранения течей из рюкзака, и, обмотав трубу пластиковой плёнкой, вручил её Астре. Астра отправила мыслеграмму «спасибо. Мне надо бежать — завтра рано вставать, делать разбитую трубу заново», прикрепив к ней эмоции благодарности, вероятно, нажав на мыслеграмму на экранной клавиатуре взглядом.

«Дикарка», подумал Алекс, и спросил взглядом, можно ли зайти? Астра сделала вид, что не поняла вопрос, хотя даже без чтения эмоций с её чипа, от которого Алекс не отключался, было видно, как она смутилась. Держа трубу в обеих руках, она зашла в шлюз, закрыла дверь, впустила кислород, и сняла свою перламутровую кислородную маску, встретившись глазами с Алексом. У Астры оказался красивый, аккуратный носик и тонкие, длинные губы, которые отлично сочетались с её круглыми, голубыми глазами, и густыми чёрными ресницами. Впрочем, Алекс уже видел её губы и нос на фотках в соцсети Сектора, а глазами и ресницами любовался всё время, как встретился с ней. Алекс попытался представить её в образе мальчика-подростка с тем же геномом, но с Y хромосомой — в её оригинальном теле, и не смог. Фантазия рассыпалась от неправдоподобности.

Астра помахала рукой, улыбнулась, открыла дверь в свой основной модуль, и скрылась внутри, закрыв дверь.

Алекс стоял и смотрел на пустой шлюз ещё несколько мгновений, но потом перестал игнорировать уже давно замеченное движение за спиной — нейрочип предупредил его через датчик движения на спине бронекостюма, и услужливо предлагал включить камеру, что Алекс проигнорировал, поглощённый прощанием с Астрой. Вспомнив в последний момент, что ногфлеры не могут отправлять сообщения фунджанинам, с которыми они не взаимодействуют по инициативе фунджанина прямо в данный момент, Алекс добавил Астру во френды в соцсети, и переименовал её контакт в «дикарка». Без этого она бы не смогла писать ему.

Не став смотреть в камеру, кто это ошивается сзади, как стал бы делать в боевой обстановке, чтобы не дать знать противнику, что тот обнаружен, Алекс по-простому развернулся к источнику движения, и увидел пожилую ногфлерку,

примерно 25 марсианских лет, судя её изношенному виду. Ногфлерка носила едко-жёлтый с полосами костюм неквалифицированного рабочего, и, чуть дальше, стайку полосатых тинейджеров — по большей части коричневых (а, значит, неквалифицированных парней). Все ногфлеры присели, и сделали обычное в такой ситуации «ку». При этом тётка сделала это как-то нерасторопно. Напротив ногфлерки нейрочип подсветил знак вопроса, показывая, что она бы хотела что-то у Алекса спросить.

Тинейджеры диктовали текст для мыслеграмм с помощью голосового помощника в пипбоях друг другу, и Алекс, имея на бронекостюме усиленные микрофоны их прекрасно слышал:

«Вы видели, Астра одела мужской военный камуфляж! Какой позор»

«А ты разве не знаешь, что она бывший мальчик? Верно передумала, и хочет вернуть всё взад, только стать при этом фунджанином. Ей всё сходит с рук. Все её аморальные поступки»

«Верно! Давай называть её он»

«Давай! Ты видел, как он клеился к фунджанину? Совершенно аморальная тварь. Наверное, этот фунджанин какой-то ненормальный»

Алекс решил в данный момент проигнорировать тётку, и начать с тинейджеров. Отправитель последнего сообщения получил мыслеграмму без права отправить ответ, с прикрепленной к ней эмоцией ярости, и с напоминанием, что неуважение фунджанина для неквалифицированного ногфлера карается недельным лишением кислородного рациона. И Сектору плевать, где именно ногфлер возьмёт кислород, до тех пор, пока он выполняет норму по куитрилу, но если он его украдёт у сектора, то будет казнён.

Остальные тинейджеры получили сообщение «Относитесь к Астре уважительно. Она ни в чём не виновата, и никаких моральных и общественных норм не нарушала. Согреть её армейской накидкой было моим личным, фунджаниновским решением. И не с вашим рылом его обсуждать», к которому приложил эмоцию собственного величия и сословного презрения.

Подростки в страхе разбежались.

После чего, Алекс повернулся к тётке, напротив которой по-прежнему горел вопрос. Алекс по-простому кивнул ей.

Тётка послала ему приватную мыслеграмму, а так же сказала вслух:

— Уважаемый фунджанин, простите мою племянницу за невоспитанность. Она, как и я, родились и воспитывались вне системы Сектора.

Алекс кивнул, и развернул окошко мыслеграммы, текст которой тётка, вероятно, набрала, как недавно Астра, кликая взглядом по экранной клавиатуре для сохранения приватности перед соседями:

«Пожалуйста, отстаньте от Астры. Вы барчук, она для Вас просто игрушка, а она наивна и чиста. Вы разобьёте ей сердце»

«Вот это дикая даёт, — подумал Алекс, — наверное, она не знает, что всё, что она мне посылает, пишется и читается другими фунджанинами?»

Он соорудил страшную рожу, решив не отвечать, как он решил, туповатой старой карге, и развернулся уходить прочь в свою казарму, как вдруг, рядом на ночной бочке Астры зажужжала сервоприводами какая-то полуубитая камера, явно взятая Астрой со свалки, показав, что она в курсе пантомимы.

Когда Алекс удалился на приличное расстояние от посёлка N42, он вдруг получил мыслеграмму от Астры

«Как думаешь, почему китайская часть предков-основателей смотрела советские фильмы XXго века?» К мыслеграмме были прикреплены 2D видеофайл со странным названием «кин-дза-дза» и эмоция хорошего, тёплого контента.

Часть 4

Глава 4

420й год по летоисчислению Марса, 16-тое 2-сентября, время после заката, Астра

Скрываюсь за закрывшейся дверью шлюза внутри своего жилища, и чувствую себя словно пришибленной пыльным мешком с каменной крошкой. Подхожу к столу, кладу на него разбитую трубу, замотанную в герметизирующую плёнку, а сама ощущаю просто бурю чувств! Прислоняюсь к стене, и держусь руками за щёки, которые просто горят от стыда и... наслаждения от тёплых воспоминаний? Чувствую сильнейшее любопытство, которое сподвигает меня на то, чтобы подключиться к камере, которую я утащила с работы из контейнера, предназначенного на сдачу Торговой Лиге как высокотехнологичного лома. И которую прицепила к дому, когда обустранивалась на новом месте, и выяснила, что камера исправна, но её объектив разбит, который я изготовила сама для себя после рабочего времени.

Вижу и слышу о чём говорят тинейджеры в их оранжевых и желтых полосатых костюмах-робах, и ощущаю ещё больший стыд за то, что произошло, особенно за ситуацию с красной накидкой, который, однако, сменяется безмерным удивлением от того, что Алекс взялся меня защищать, а потом и злостью на тётю, которая пристала с какой-то своей обычной чепухой к представителю почти-элиты Сектора.

Но вот, Алекс разворачивается и уходит. Я смотрю на него. Стараюсь, сквозь электронный глаз, запомнить то, как он выглядит — кажется, это лучшее приключение, которое случилось в моей жизни! Наверное, ничего более захватывающего не случится... Пожалуй, я уже жалею, что не пустила в гости. Я сделала это потому, что стеснялась своей мягкой игрушки — тут я посмотрела на кровать и на сидящую на ней тушку тюленя в скафандре — я насмотрелась роликов про тюленей, ещё когда жила в ячейке Секты Симуляции. И мягкая игрушка осталась с тех времён. Почему-то фунджанины оставили её мне, наверное, заботясь о моем психологическом состоянии, и в связи с гендерной дисфорией, которую я тогда испытывала, чтобы как-то облегчить пресс на психику от того, что почти все, кого я знаю, были захвачены в рабство и поселены в других посёлках либо вообще убиты, как мой отец, которого, правда, ни я не любила, ни он сам меня.

А может... Может, я не пригласила Алекса, потому, что боялась того, что произойдёт потом? Не знаю. Чувствую ещё большее смущение, смешанное с сожалением. И тут перед глазами появляется сообщение: «условный фунджанин Алекс добавил вас во френды. Запрос принят автоматически».

Что? Как это может быть? Стараясь произвести хорошее впечатление, отправляю Алексу ссылку на древний предсингулярный фильм, снятый в стране, которая исчезла больше чем за век до Сингулярности, в СССР: «Кин-Дза-Дза». Алекс должен оценить иронию того, что ритуал приветствия ногфлерами фунджанинов просто-напросто скопирован Предками-Основателями Сектора. Вспоминаю свои эмоциональные ощущения от просмотра этого старого, ещё 2d фильма, и так же прикладываю их к мыслеграмме.

Перед глазами появляется уведомление, что тётка просит войти в моё жилище. Чувствую, что ничего хорошего от из разговора не выйдет, но, разумеется отдаю приказ шлюзовой двери разблокироваться, а так же задумываюсь о том, что другой что фунджанин, что бастард на месте Алекса задумываться о наличии приглашения бы не стал. С кем я познакомилась? Во что вляпалась?

С лёгким шипением дверь в модуль распахивается. Внутри заваливается моя тётя — потрёпанная жизнью пожилая женщина с морщинами на лице, лишним весом, несмотря на бедный рацион питания некавалифицированных ногфлеров. А может, и благодаря ему — большую часть калорий такие как тётя обычно получают из сахара.

Я смотрела досингулярные фотки, ещё до того, момента, когда изобрели биологическое бессмертие, когда каждый человек, даже бедный, получил возможность стать молодым, здоровым и красивым, совсем как в предыдущую революцию, информационную, когда владельцами смартфона с интернетом стали даже члены примитивных племен. Так вот, во времена до прорыва в биотехнологиях так выглядели женщины в свои земные 60 лет, а не тёткины марсианские 25 и земные 46. Тётка попробовала что-то сказать мне, начав энергично жестикулировать своими съеденными кислотой руками, но зашлась кашлем — она работала на химическом производстве, производящем фторовые энергетические яйчейки. Я ощутила беспокойство о ней и душевную боль, что ей приходится проходить через такое. Подскочила к ней, обняла и довела до кровати, посадив на неё. Тётя, откашлявшись, сказала:

— Спасибо, Астра. Вот умру я, кто о тебе будет заботиться?

— Тётя, не умирай, зачем тебе умирать? — обеспокоено спросила я.

— Никто не будет. Одна останешься, — продолжила своё тётка, проигнорировав вопрос, — А одна сгинешь. Почему от Дупера бегаешь? Что вообще ты такое с ним сегодня сделала? Он прислал мне мыслеграмму, что ты его очень обидела! А ведь тебе нужно сильное, надёжное плечо.

— Тётя, ну не могу я с Дупером, он мне... Противен, он глупый, — попыталась в очередной раз объяснить я. Тётя поднимает эту тему уже не первый месяц.

— А зачем тебе умный мужик-то? Глупым вертеть легче. А умный тебя не выберет: будет поминать тебе твоё... происхождение, и то, сколько тебе на роду написано прожить, — жёстко отрезала родственница, продолжив — как придёт время Первой Ночи, перетерпи, и сразу выкини из головы барчука. А Дупер будет ждать.

— Тётя, пожалуйста, пожалуйста! Пойми! Я лучше умру одна, чем буду вместе с этим... Животным, — сказала я, а сама в ужасе подумав о том, как я достанусь по этому варварскому ритуалу какому-нибудь садисту-извращенцу или ещё чего хуже, после чего Дупер и в самом деле покажется идеальным кавалером.

— Что ты сказала? Да как ты смеешь наговаривать на этого добрейшего человека? — тётка попыталась меня ударить, но я отскочила, и она промазала. Тётка опять зашлась в кашле. На этот раз я не стала подходить и обнимать её, успокаивать, из-за чего ощутила лёгкий укол вины. Откашлявшись, тётка продолжала на меня наседавать. И я, чтобы прекратить это, взяла со стола трубу, замотанную в плёнку, и слегка её потрясла, при этом внутри трубы раздался звук разбитого стекла, после чего перебила родственницу:

— А я трубу с работы разбила, — и всхлипнула.

— Ой, моя девочка, а как же это? Что теперь будет? — тут же сменила тему тётя.

— Не знаю. Накажут меня, — после чего расплакалась. На этот раз тётя обняла меня, стала гладить и успокаивать. Она помогла мне улечься, немного посидела рядом, и, когда я перестала всхлипывать, а просто теперь лежала закрыв глаза, она тихо поднялась и вышла в шлюз. А ещё через несколько минут я и в самом деле уснула.

***

420й год по летоисчислению Марса, 17-тое 2-сентября, время после рассвета, Астра

Привычная сила выдергивает меня из страны Морфея. Это нейрочип разбудил меня по сигналу в будильнике пипбоя. Сигналу, который я не могу контролировать, переставить на другое время, либо отложить. В мою кровь впрыснуты гормоны, которые мгновенно будят, и, видимо, не хуже, чем контрастный душ, который, судя по досингулярному контенту, применяли для этой цели на древней Земле.

Пытаюсь вспомнить свой сон и не могу. Мне снилось что-то, что заставляло волноваться и замирать сердце. Наверное... Наверное, это был Алекс? Стоило мне подумать о нём, как внизу живота стало тяжело, а в нём самом запорхали бабочки. Сидя на кровати, я вспоминала произошедшее, особенно то, как этот солдат нёс меня по посёлку, а я чувствовала при этом противоречивые чувства: я хотела испытать все это ещё раз, но при этом стыдилась случившегося, особенно эпизода с термонакидкой.

Из этих мыслей меня вывела вибрация пипбоя, и загоревшееся уведомление перед глазами, что зря трачу время, отпущенное на сборы утром, и вообще-то покинуть кровать я должна была ещё минуты назад.

Очнувшись от мечтаний, я становлюсь голыми ногами на холодный металлический пол, шагаю к пластиковому комоду, откуда достаю пачку влажных салфеток, произведённых рециклингом из ранее использованных. Открываю упаковку, и вдыхаю довольно приятный аромат. На вскрытой неделе назад пачке салфеток, которые я использовала с тех пор каждое утро, нарисованы ромашка и мята, но я понятия не имею, как на самом деле пахнут те и другие — почему-то библиотека досингулярных запахов в Соцсети Сектора для ногфлеров заблокирована.

Встаю перед зеркалом, и вижу голую стройную девушку с каким-то слегка ошалелым взглядом. До сих пор не могу привыкнуть, что теперь это я. Чёрт, это практически извиняет фунджанинов за то, что они делают с моей жизнью! Если бы в рабство обратили только меня и не убивали моих близких и друзей, о чём я лишней раз стараюсь не думать, я, возможно, и в мыслях бы не давала себе подумать о том, что система рабства Сектора несправедлива ко мне. Или... Может это их и не извиняет, ведь ногфлерка не должна быть вместе с таким, как Алекс. Разве если ей очень повезёт. Она должна раздвинуть ноги в день, когда войдёт в возраст, по Праву Первой Ночи, и, если так случится, что она забеременеет, родить бастарда — нового солдата для армии Сектора, либо, если не забеременеет, то сойтись с таким, как Дупер, чтобы рожать новых рабов для сектора, в перерывах между работой на износ. Даже беременной и даже в день перед родами. До чего же мерзкий обычай!

Пожалуй, мне ещё и очень повезло, что на моё тело до сих не заявили прав. Биологически оно уже пару лет как в возрасте, но мой пересаженный в это тело мозг родился чуть меньше 10 марсианских лет назад, ну или меньше 19 земных, на которые в Секторе назначается эта отвратительная процедура, и, кажется, Система сектора отсчитывает мой возраст именно по мозгу, хотя моё тело уже сформировалось, что вызывает у многих, посмотревших мой матримониально-

половой статус в Соцсети, удивление, почему я ещё не «оприходована». И Дупер тоже мерзкий! Тётушка просто не понимает, что она предлагает! Лучше всю свою короткую жизнь быть одной, чем с таким как он!

Закончив гигиенические процедуры с салфетками, я собираю их в пластиковый пакет на молнии, где хранятся другие такие же — ждут, пока пакет заполнится, чтобы я его отнесла на рециклинг, и получила за два своих трудосола специалиста-ногфлера новую упаковку. Утренняя гигиена очень дорогое удовольствие, учитывая, что ставка ногфлера-специалиста всего 30 трудосолов в месяц, а многие товары, даже производства сектора, нам просто не продают. Но не могу без этого, не хочется ехать на работу грязной. После рабочего дня я зайду в бесплатный душ в производственном фабе при нашей лабе, и вымоюсь по-настоящему, особенно вымою волосы. «Или не зайду, учитывая, что меня ждёт наказание», — вспомнила о плохом я.

После салфеток наступает время гребешка для волос, такого же, как, кажется, сотни лет назад на старой Земле. Только я заканчиваю с волосами, как перед глазами появляется обратный отсчёт — нейрочип даёт мне знать, что до приезда вагончика в столичный посёлок остаётся пять минут, я резко ускоряю свои сборы, быстро натягивая тонкий подкобезник из «дышащей» пластико-ткани, а вчерашний кладу в другой пакет, оснащенный клапаном для стиральной машины — к счастью, замена подкомбезника в Секторе бесплатна из соображений предотвращения инфекций, некоторые из которых Предки-основатели, несмотря на все предосторожности, завезли с Земли, ну а сверху одеваю мой каждодневный фиолетово-полосатый комбез.

За плечи закидываю баллон. В последний момент соображаю проверить уровень кислорода в нём через нейроинтерфейс, и понимаю, что видимо, могла умереть — кажется, уровня кислорода после вчерашней прогулки не хватило бы даже доехать до Столичного городка, не говоря до того, чтобы дойти до работы, до инженерной лабы.

К счастью, для таких случаев у меня был запасён другой баллон — купила за 5 трудосолов, запасной баллон бесплатно не выдаётся. Быстро хватаю его, одеваю, и, даже забыв посмотретья в зеркало, выскакиваю в шлюз. Закрывшаяся с лёгким шипением дверь герметизирует моё жилище. Я решаю не ждать пока автоматика выкачает воздух из шлюза в расходный баллон, а подключаюсь через нейрочип к демону своего жилища, отправляя команду: «ручной режим: открыть внешнюю дверь», что компьютер дома немедленно и проделывает. Как только дверь приоткрывается, раздаётся хлопок, давление резко падает, а мои уши закладывает.

Я пытаюсь сглотнуть, чтобы в них прошло ощущение забитости ватой, но это помогает не слишком хорошо. Наплевав на это, я бегу мимо идущих к Станции ручейков людей — видимо, не к моему вагончику, а к следующему — те ногфлеры, кто должны ехать вместе со мной, наверняка уже на месте. На ходу закидываю подкобезник в контейнер стиралки, и перед глазами появляется всплывающая нотификация, что я могу получить выстиранный, уже чистый, со стрелочкой-указанием на другой контейнер в нескольких метрах от меня. Я, разумеется, игнорирую это, а бегу к площади Посёлка — у меня остаётся не более пары минут до отбытия вагончика. Перед столбом станции стоит толпа, и я тут же вижу среди них фигурку, которую нейрочип подписывает именем Дупера.

Последний тоже замечает меня, и идёт мне наперерез. У Дупера на этот раз нормальные зрачки — видимо, он получит дозу стимуляторов от своего пипбоя уже в шахте. Решаю, что, пожалуй, несколько мгновений на то, чтобы перекинуться парой слов у меня есть, ведь вагончик хоть и показался из-за

горизонта, но, видимо, опаздывал — тётка мне не простит, если я ещё раз проверну вчерашний фокус с тем, под кого она хочет меня подложить. Так что я останавливаюсь, по поднимаю глаза на подошедшего ко мне коричнево-полосатого шахтёра, который выше меня на две головы и шире в плечах. Он что-то говорит, но я не могу разобрать из-за заложенных ушей. Тогда я сама говорю ему, почти не слыша собственного голоса: «Привет! У меня уши заложены от декомпрессии. Не слышу тебя», и, через пару мгновений получаю мыслеграмму, которая звучит в моей голове с помощью нейрочипа, напрямую возбуждающим мой слуховой нерв:

— Что случилось? Ты в порядке? Переживаю за тебя. Ты зачем вчера убежала на холм? И... Знаешь, прости меня за вчерашнее — это всё наркотики, ну, ты знаешь, — Дупер приложил к мыслеграмме заботливость и вину

— Всё в порядке. Спасибо за заботу. Правда, ценю. Но прости, мне нужно бежать, — мой вагончик вот он, уже приехал к станции, — отвечаю я вслух, улыбнувшись, но не отправляя никаких эмоций. Отхожу на несколько шагов, и машу Дуперу на прощание, после чего вхожу вместе с толпой в вагончик. И вот, когда вагончик уже качнулся, отправляясь в путь, в последний момент в него влетает громко дышащая желто-полосатая ногфлерка. Как зашедная последней, она захлопывает дверку, но больше её ни на что не хватает: несмотря на то, что транспортное средство набито битком, она от усталости садится прямо на пол, начиная громко дышать. Ногфлеры вокруг морщатся, и недовольно таращатся на неё.

Я сегодня оказалась рядом с окном, которым в вагончике является дыра в ржавой стене, прикрытая решёткой, чтобы неосторожные ногфлеры не вывалились по ходу движения кабинки с высоты канатки на марсианский грунт.

Время от времени я посматриваю на ногфлерку, которая уже вставала с пола кабинки и извиняется за то, что помешала другим, а время от времени на красивый вид за окном — всё никак не могу к нему привыкнуть, в Секте симуляции, где я провела детство, никаких транспортных средств у нас не было. Сзади быстро уменьшался 42й посёлок, уже превратившись в пятнышко посередине красной пустыни рядом с высоким холмом, под которым ранее было уже иссякшее месторождение водного льда — наш посёлок начинался как шахта и инфраструктура вокруг неё, но уже не одну сотню лет как стал жилым, «спальным». Спереди тянется до самого горизонта нитка канатной дороги, словно вдетая в иголки столбиков.

И тут вдруг девушка, дыхание которой, в общем-то уже почти успокоилось, начинает задыхаться. Она машет руками, а потом хватается за горло, и садится на пол вагончика. Верх её лица, не скрытый под маской, синеет, а сама она хрипит, и панически смотрит на каждого человека в вагончике, но все отводят глаза. Ещё до того, как она посмотрит на с мольбой на меня, я сосредотачиваю свой взгляд на ней, и нейрочип связывается через оптоволокно, протянутое вместе с канатной дорогой, с серверами Социальной Сети сектора, и я вижу её личный номер с кличкой — Вера, а так же красненькие строчки рядом с ней: «внимание: лишена кислородного кислорода на неделю. Истекли 6 дней из 7 дней наказания; внимание: критический запас кислорода в баллоне».

Наши взгляды встречаются, а я получаю входящую мыслеграмму от девушки, вероятно, накликаемую ею взглядом: «Почти дотянула. Не повторяй моих ошибок» с эмоцией отчаяния. «будь проклят Сектор и его традиции!», думаю я, и, ни секунды более не сомневаясь, решительно иду к задыхающейся.

Ногфлеры вокруг меня расступаются, несмотря на то, что в толчее это не так и просто. Они не смотрят ни на меня, ни на неё, отводят взгляды, как и ранее. Дойдя до приговорённой, сажусь на пол рядом с ней, набираю полные лёгкие

воздуха, задерживаю дыхание, снимаю с девушки её маску, и даю ей дышать из моей. Та, сделав несколько судорожных глубоких вдохов, успокаивается, и отдаёт маску мне назад тоже сделать вдох, после чего я опять даю дышать Вере. Так, попеременно, мы передаём её друг другу, и, одновременно, общаемся, накликая взглядом мыслеграммы:

— Что с тобой случилось? — прикладываю эмоцию беспокойства я

— Я работаю служанкой в доме Главного Медика Сектора, — я кивнула, потому, что уже успела это посмотреть в её профиле в Соцсети, — и я оскорбила госпожу старшую жену. Она лишила меня кислородного рациона сектора. Я почти дотянула до окончания наказания — со мной делились другие слуги — отвечает девушка

— Но как ты её оскорбила? — спрашиваю я, приложив эмоцию любопытства и безопасности, чтобы успокоить спасённую, а сама тем временем бронирую два слота в кислородно-заправочных автоматах — один рядом со станцией, для Веры, оплачивая его из своей бесплатной квоты, и другой, внутри фаба, для себя, после чего с грустью отмечаю, что на моём счете осталось всего-ничего — всего десяток трудосолов.

— Я сказала в разговоре с другими слугами, что она жестокая, — ответила несчастная

— Подожди. То есть, она оскорбилась тем, что ты её назвала жестокой, и за это фактически приговорила тебя к смерти? , — удивилась я

— Именно

Я промолчала, понимая, что наша переписка может читаться, но мой взгляд дал понять Вере, что я по этому поводу думаю и чувствую больше, чем мыслеграммы.

— А почему ты почти опоздала в кабинку? , — пауза затянулась, и я решила продолжить спрашивать мою, видимо, новую подругу, чтобы отвлечь её от невесёлых мыслей

— Ходила в другой барак, где раньше жил парень, который оказывал мне знаки внимания, но мне не нравился. Надеюсь, может он сможет поделиться со мной кислородом. Он работал шахтёром. Но соседи сказали, что он уже полгода как мёртв.

Я вспомнила Дупера и меня передёрнуло от отвращения и мыслей, как бы я на месте Веры пришла клянчить у Дупера кислород. И в этот момент мне пришла мыслеграмма от Алекса:

— Привет, Дикая! Что делаешь? Едешь на работу? Как тебе вчерашний вечер? Спасибо за фильм, узнал много нового — была свободная минутка посмотреть во время караульной службы — меня захлестнуло эмоциями Алекса: интереса с лёгким сексуальным оттенком, заботы, дружеской симпатии и благодарности. Моё настроение, не очень весёлое, от предстоящего наказания, и до того, как я узнала историю Веры, а после совсем плохое, резко улучшилось. Через мгновение пришла вторая:

— Скажи что-нибудь своим голосом, я слишком давно тебя не слышал, пришлешь сырой голосовой файл? — попросил парень. Эта мыслеграмма содержала только одну эмоцию, сексуального интереса, что заставило меня одновременно почувствовать и стыд и радость

— Прости, голосом не могу. Я тут дышу через раз, — накликала ответ я, приложив к ответу эмоцию радости после долгой разлуки

— Дышишь через раз? Что случилось, дикая? — удивился Алекс

— Да вот, делюсь кислородом с той, у кого он кончился. Она хорошая, — ответила я. Некоторое время солдат молчал, видимо разбираясь в ситуации по своим, фунджаниновским каналам. А потом я получила системное сообщение: «вам перевели 1 фунджаниновский трудосол. Сконвертирован в 100 трудосолов ногфлеров. Текущий баланс: 110», что очень меня удивило, а потом и сообщение:

— У тебя доброе сердце. Что делаешь после работы?

— Пока ничего, — ответила я, приложив эмоцию скуки, и соврав: на самом деле я чувствовала страх наказания. Решила ничего не рассказывать и не грузить проблемами: вдруг обойдётся?

— Тогда я зайду за тобой, Астра?

— Конечно, Алекс, — ответила я, и немного расстроилась, что он, похоже, забыл о разбитой трубе и то, что я ему рассказывала, когда он нёс меня домой, о том как мне влетит сегодня.

Моё место у окна занял какой-то оранжево-полосатый ногфлер-спец, так что я не видела окружающую реальность, поэтому вагончик остановился для меня несколько неожиданно, когда я думала, о чём бы ещё спросить Веру. Мы вышли из транспортного средства последними, спустились вниз по винтовой лестнице, держась за руки, и передавая друг другу кислородную маску. Когда мы вышли наружу, я увидела привычную суету вокзала — отправляющиеся по разным направлениям кабинки, ногфлеры спешащие на посадку. Чуть в отдалении широкий, главный столичный проспект аж с тремя рядами для движения внутригородских роверов и колёсных роботов — удивительное для Марса место, в котором всегда было какое-то движение, чем-то напоминающее видео трафика широких улиц земных мегаполисов до Катастрофы. Ну либо не напоминающее, подумала я, вспомнив прочитанное, что на хайвеях на старой Земле и десятиполосная дорога могла не быть пределом. Перед глазами краснела стрелочка, указывающая на кислородный автомат. Он представлял из себя десяток соприкасающихся друг с другом пластиковых колонн, на каждой из которых горела зелёная либо красная индикация. Руководствуясь подсказками дополненной реальности нейрочипа, я потянула руку к одной из подсвеченных красной индикацией колонн, она автоматически открылась, и явила пустое нутро ячейки. Я показала на неё глазами Вере, и та, сделав очередной вдох через мою маску, после чего передав её мне назад, сняла с себя пустой баллон и водрузила в контейнер. Тот с щелчком захлопнулся назад, а я подошла ко второй колонне с красной индикацией, на которую указывала новая стрелочка моей дополненной реальности, которая тоже открылась, как только почувствовала, через мой нейрочип, желание её открыть. Я достала от туда баллон, отдала его в руки

Вере, а сама пристегнула маску назад к своему лицу.

Вера, одевающая баллон, выразительно на меня посмотрела, и сказала: «спасибо». В ту же секунду мне прилетел от неё френд запрос в Соцсети, который я конечно же немедленно удовлетворила. К этому моменту у меня уже прошла заложенность ушей, так что я услышала то, что сказала Вера:

— Ну я побежала?

— Да, мне тоже нужно на работу. Кабинка задержалась, рискую не успеть на завтрак, — ответила я

— А чем вас кормят? — спросила моя новая подруга

— Да как и всех, — ответила я, — питательная смесь сойлент, и клетчатка, напечатанная на пищевом принтере в форме фигурок солдат или руководства соседнего Сектора

Вера скривилась, и сказала:

— А знаешь, что едят фунджанины? Пробовала когда-нибудь?

— Догадываюсь. Какая-то еда вроде той, что была до катастрофы? — предположила я, и добавила — но нет, никогда не пробовала. Вкусно?

— Да. Приходи как-нибудь в гости. У нас все слуги едят объедки с фунджаниновского стола. Знаешь, я, наверное, больше никогда не смогу взять сойлент в рот

— Почему не сможешь? Можно же через нейрочип внушить себе, что это вкусно, — удивилась я

— Так то ненастоящий вкус! — возмутилась Вера

— Интересно. Ты меня заинтриговала. Как-нибудь обязательно приду, — принимаю приглашение я, и продолжаю, — а теперь я всё же действительно побежала

Первое время я шла быстрым шагом по тротуару, проложенному вдоль шоссе, чтобы успеть на завтрак, но потом подумала, что раз у меня теперь больше сотни трудосолов на счету, то успевать на бесплатный завтрак мне уже совсем не так необходимо — я просто куплю в автомате протеиново-клетчаточный батончик. Он хоть и ещё более мерзкого вкуса, чем сойлент, но, в конце концов, что мне мешает обманывать вкусовую систему мозга нейрочипом как я это всегда и делала? И всё же, подумала: «жаль, что ногфлерам не продадут фунджаниновскую еду за любую цену...»

Вокруг меня проплывала столица и её постройки — квадратные и герметичные, без единого окна, фабричные корпуса, высокие трёхэтажные административные здания с большим числом круглых иллюминаторов, какие-то непонятные ржавые бочки в местных трущобах, где живут неквалифицированные ногфлеры, и, напротив, красивые дома, чем-то напоминающие дома людей со Старой Земли и, одновременно, стремительными скошенными плоскостями и иллюминаторами космический корабль из фантастики древних людей — жилища знатных фунджанинов. Кажется, остатки человечества не только горевали об утраченной

прародине, Земле, но и о том веке, когда мы летали по всей Солнечной системе, и считали её своей.

Тем временем, я дохожу до инженерной лабы. Обычно перед шлюзом, когда прихожу на работу, толпа других ногфлеров, спешащих на завтрак в столовой лабы. Сегодня там никого нет, так как я припозднилась.

Я направляюсь к вытянутому полуцилиндру большого шлюза, который ближе всех к моему рабочему месту, заметив подсказку от дополненной реальности, что он будет вот-вот использован. Открывается передняя большая дверь, и несколько коричнево-полосатых грузчиков выкатывают какое-то большое промышленное устройство на огромных, больше меня ростом, металлических, не вязнущих в песке, колёсах.

Жду. Когда проход освобождается, захожу внутрь — система пропускает меня, опознав как работающую тут, убрав красный программный барьер перед глазами.

Большой шлюз заполняется атмосферой, пригодной для дыхания дольше, чем меньшие шлюхи, так что я жду чуть дольше, чем привычно, всё больше мрачнея от того, что минута истины всё ближе — скоро я узнаю, что случилось с трубой, и как меня накажут за срыв задания.

Зайдя внутрь лабы, я только снимаю с себя дыхательную маску, но не трогаю баллон — ячейка кислородной станции у совсем другого, дальнего шлюза, а у меня нет времени. Не покупаю я и завтрак — свой протеиновый баллончик.

Вместо этого быстрым шагом иду в свою оптическую мастерскую. По дороге мне попадаются другие ногфлеры-инженеры, которым я киваю, и моя проект-менеджерша фунджанинка — я делаю перед ней ку, но она проходит мимо, не обратив на меня внимание, чему я очень рада. Захожу в мастерскую. Беру ножницы, и разрезаю ими плёнку, в которую Алекс замотал разбитую трубу.

Первым делом поворачиваю трубу к себе самым широким, где объектив^[18] концом. Из противоположного конца высыпается битое стекло, что портит мне настроение ещё больше, но тут я понимаю, что, видимо, объектив цел — а именно он наиболее трудоёмок в изготовлении, и у меня отлегает от сердца.

Переворачиваю трубу другим концом, и вижу, что нижняя линза-экстендер, установленная перед матрицей, превратилась в стеклянную труху.

Тянусь к выдвижному ящичку, и достаю от туда такую же линзу, которая вышла с немного с худшим оптическим качеством, но функциональна. Вставляю окуляр, и несую трубу к оптической скамье с искусственными звездами, куда её лихорадочно, стараясь успеть всё исправить и устанавливаю.

Подключаюсь своим нейрочипом к матрице по беспроводной связи, и, разумеется, изображения никакого нет, но я этого и не ждала — труба разъюстирована в хлам после случившегося с ней. Трачу несколько минут, чтобы свести оптические оси, поворачивая болтики регулировки, и изображение появляется но... в перевернутом виде! Вытаскиваю нижнюю линзу ещё раз, и свечу внутрь фонариком пипбоя, после чего холодею: разбита переворачивающая призма. У меня даже изготовлено ещё пара таких, но поменять её, дело не одного часа!

Тут я чувствую на своём плече чью-то руку, пугаюсь, подскакиваю, и отпрыгиваю. Вижу солдата в броне, который не снимал и дыхательную маску с лица, хотя и отключил фторовую топливную ячейку внутри жилого помещения. Соцсеть услужливо подписывает фигуру: фунджанин-кадет Ксан, 4й отряд бастардов. Тут же получаю мыслеграмму, полную высокомерия и насмешки: «ты что, припадошная? Что прыгаешь так?» Ксан смеется, вижу это по глазам. Отсмеявшись, он снимает Маску, и спрашивает вслух:

— Заказ готов?

Я впадаю в ступор от страха, и стою, прижав трубу к своей груди, смотрю на него снизу вверх такого огромного, и по-настоящему для меня сейчас страшного.

— Я спрашиваю, заказ готов? — спрашивает Ксан ещё раз, и, видимо, залезает в мою голову, тут же понимая, что я его панически боюсь, — ах так? Ты, мерзавка, саботируешь военные заказы Сектора? А ну пойдём со мной,

Ксан хватается меня своей бронированной клешней за руку, и тащит наружу. Трубу он не слишком аккуратно бросает в открывший, от его мыслимой команды, клапан рюкзак за его спиной. Мне очень больно, кажется, будет как минимум синяк, а то и растяжение. Почему-то задумываюсь о том, что очень хорошо, что не сняла с себя баллон — Этот Ксан взбесился бы от задержки ещё больше. По дороге нам попадается моя проект менеджер, которой Ксан, видимо, посылает мыслеграмму с рассказом о том, что я зафейлилась. Менеджерша смотрит на меня недовольным, но сочувственным взглядом.

Солдат втаскивает меня в ближайший шлюз, тот самый промышленный через который я зашла какое-то время назад сама. Система бы не позволила воспользоваться им ногфлерке, если бы не выгрузка оборудования, и тем более не позволила бы открыть внешнюю дверь не выкачав драгоценный пригодный для дыхания воздух в расходный баллон. Я еле успеваю открыть рот, чтобы не оглохнуть второй раз за сегодняшний день от декомпрессии.

Маску я снимала уже в непригодной для дыхания среде с липучки на спине моего комбеза свободной рукой — другую продолжал больно сжимать Ксан, сразу же, как только открылась дверь, потащивший меня наружу.

Мы направляемся к Административному комплексу, понимаю я через какое-то время. Но не доходя до него, встречаем деда в окружении высших офицеров Сектора. Видимо, Ксан что-то отправляет деду, так как тот кивает сопровождавшим его офицерам, и те продолжают путь без него, а сам подходит к нам с Ксаном. Какое-то время они неслышимо для меня обмениваются мыслеграммами. Я вижу, что глава Сектора начинает злиться — у него ходят желваки. Наконец, он прерывает молчание, и говорит вслух:

— Что случилось?

— Призма разбилась, — говорю более-менее спокойным голосом я, наконец справившись со страхом и собравшись, понимая, что ступор худшая стратегия из возможных

— Почему разбилась? — спрашивает сухим голосом дед

— Я уронила трубу на камень, — отвечаю уже менее уверенно я

— Почему ты её уронила на камень? Что ты делала на холме ночью? — видимо, дед уже прочитал отсчёт сторожевого демона посёлка — Тебе что было приказано — проверить трубу по ночным зданиям посёлка! Почему ты полезла вверх? Сбежать хотела? Так это самоубийство в пустыне

— Нет, вы что, конечно, я не хотела сбежать! Я очень всем довольна и благодарна. Особенно новому телу! Лишь хотела сделать свою работу лучше. Отловить редкие баги, посмотрев на огни посёлка сверху, и ещё более редкие —

посмотрев на Землю

— Ты смотрела в служебное устройство на Землю?

— Да... Но я хотела как лучше, чтобы программа стабилизации работала как ожидается и в нестандартных условиях

— И что? Получилось как лучше? — у деда опять заходили желваки, — забыла, что значат полоски на твоём костюме?

— Я успела отладить программу и выловить все баги, до того, как разбила трубу, — сказала я, и кротко добавила, — добавить другую призму назад и всё отъюстировать у меня займёт несколько часов. Вовсе не потребуется несколько месяцев, как на изготовление этого образца

Дед какое-то время молчал, видимо копаясь в видеоархиве, записанном на сервера Сектора с моей зрительной коры мозга, а потом улыбнулся, резко подобрел, и выдал, подмигнув Ксану:

— А её почти трахнул Алекс из второго отряда, и знаешь, эта сучка была бы не против! Ублюдок почти увёл то, что должно принадлежать фунджанинам!

Оба мужчины расхохотались, вогнав меня в краску стыда, который сменил страх. Отсмеявшись, дед поднял мой подбородок пальцем, и сказал:

— На первый раз я прощаю тебя. Думал вкатить тебе публичную, позорную порку — на вечернем сеансе наказания ногфлеров на Главной Площади Столицы, но за энтузиазм, любознательность, а так же за интересную историю, снижу тебе наказание до тайной порки в козлосвинарнике без занесения информации об этом в публичную часть соцсети, — после чего повернулся к Ксану, и добавил, — Ксан, сделай так, чтобы она надолго запомнила сегодняшний день!

***

Сам хлыст в большей степени был чем-то символичным, демонстративным, как и само место непубличного наказания — в биоблоке, где выращивались ГМ-гибриды коз и свиней, выращивались, никогда не покидая своего стойла, где их автоматически доили, оплодотворяли, где у них принимали роды, и откуда их отправляли на бойню. В общем-то, никакой нужды в живом «мясе» у сектора не было — это даже было расточительством ресурсов, благо напечатанное со всеми волокнами мясо, предварительно выращенное в пробирке, ничем на вкус не отличалось — во всяком случае, так было написано в вики Сектора.

Просто это было символическим потреблением, которое позволял себе Дед родившийся ещё в конце XX-го века в Шанхае, прошедший терапию от старения в середине XXIго века, а потом иммигрировавший на Марс работать силовиком за сотни лет до моего рождения. Его семья и некоторые другие фунджанины тоже иногда ели настоящих животных

Так вот, хлыст был, во многом, демонстративным. Настоящую боль обеспечивал мой собственный нейрочип. И эта боль была такой же адской, как и в прошлый раз.

Я лежала на животе в холодном поту и на холодном же металлическом полу, мой комбинезон, а под ним и моя спина, были располосованы хлыстом, а рядом

кто-то похрюкивал и причмокивал. Если бы не нейрочип, я бы, вероятно, давно потеряла сознание от болевого шока, но маленький кусочек кремния в моём черепе не давал это сделать, и заставлял прочувствовать каждую секунду мучений. Мой мучитель, видимо, ушёл — кажется, он сказал что-то вроде: «не буду больше бить и портить такую красоту всерьёз, тебе хватит, малышка. Проведёшь первую ночь со мной?», а может, мне это привиделось — кажется, у меня начинаются галлюцинации, так как в похрюкиваниях я вроде бы слышу слова. В этот момент я всё же отключаюсь.

420й год по летоисчислению Марса, 17-тое 2-сентября, середина дня, Алекс

Дверь из шлюза козосвинарника открывается, сегодня, в третий раз. И это опять не обслуживающий персонал из ногфлеров. На этот раз это Алекс.

Он видит Астру, лежащую на полу, с исполосованной в кровь спиной, и сжимает руки от ярости, представляя, как он убьёт Ксана, деда и все руководство Сектора, чтобы отомстить за маму, а теперь и за эту девушку, к которой он чувствует что-то сильное, что-то, что уже не может ни забыть, ни контролировать.

Влюблённый с нежностью берёт девушку на руки, стараясь не касаться её спины, одевает ей на лицо маску, перекидывает её через плечо, и осторожно несёт в Казарму второго отряда.

В Казарме сейчас нет никого из сослуживцев, так что Алекс проносит Астру до своей каюты незамеченным.

Он нежно укладывает дикорожденную на живот, а потом обрабатывает её раны из своей военной аптечки. После чего посылает ей несколько сообщений, которые социальная сеть и нейрочип героини должны доставить, когда последняя проснётся. Алекс разворачивается, и уходит по делам службы, оставив девушку одну.

Сноски:

- [1] Марсианский год примерно вдвое длиннее земного, поэтому в одном из известных вариантов марсианского календаря месяцы дублируются — первый и второй апрель, например
- [2] Речь о технологической сингулярности — концепции, когда человечество создаёт искусственный интеллект, который умнее человека, тот создаёт ещё более умный искусственный интеллект, и процесс многократно повторяется, навсегда изменяя облик цивилизации, а так же место человека в ней.
- [3] предел Армстронга — это линия в атмосфере Земли (19км), выше которой человек не может выжить без скафандра, так как вода, в том числе содержащаяся в крови, закипает при температуре человеческого тела. В современности, выход в открытый космос, который так же называют внекорабельной деятельностью, требует скафандра и нескольких часов на подготовку. На Марсе даже в самой нижней точке давление ниже предела Армстронга. Выживание изолированной от Земли человеческой колонии на Марсе на взгляд автора, очень затруднено во многом из-за того, что ты не можешь просто так взять и выйти на улицу как на Земле.
- [4] если читатель хочет себе представить пипбой из романа, как его видит автор, я рекомендую посмотреть на youtube как он выглядит в мире Fallout 4
- [5] Строго говоря, это Марсианская атмосфера, а точнее её основной компонент — углекислый газ — будет гореть во фторе.
- [6] из-за разреженной атмосферы, которая осталась таковой даже после терраформирования, на Марсе рассветы и закаты не красные, как на Земле, а синие.
- [7] скрипт — разновидность программы, которая не требует подготовки (компиляции) для своего запуска. В данном случае, можно исправить скрипт, и сразу увидеть результаты
- [8] внутренние планеты, которыми на Земле являются венера и меркурий, видны утром и вечером. На Марсе к утренним планетам прибавляется и Земля, которая ярче обеих других внутренних планет.
- [9] На Марсе, в отличие от Земли день красного цвета, а рассветы и закаты синего
- [10] Пипбой — носимый на руке компьютер. Если читатель хочет представить авторское видение — автор рекомендует погуглить скриншоты из игры Fallout 4. Именно в так, ретрокомпьютерно, пипбой Алекса и выглядит
- [11] 2-Июнь — марсианский год примерно вдвое длиннее земного. Поэтому в предложенном Марсианском календаре некоторые месяцы будут встречаться повторно
- [12] Пылевой дьявол — частое погодное явление на Марсе. Встречается и на Земле. Про это явление есть статья в Википедии.
- [13] В компьютерных сетях — широковещательный запрос это такой запрос, который получают все участники сети
- [14] трудодень — такое было в СССР, в колхозах, в рамках локальной натуральной экономики. Сол это марсианский день, который близок по продолжительности к земному дню, но всё же отличен от него — 24 часа, 39 минут. Трудосол — эквивалент труда Алекса, который он может обменять на что-то из ресурсов Сектора по своему желанию.
- [15] примерно 11 земных
- [16] сэлфхарм — самоповреждение тела
- [17] дифракционный предел — запрет физики на то, чтобы подозрная труба или

бинокль могла, например, различить две звезды, если они слишком близки к друг другу на небе. Дифракционный предел зависит от диаметра объектива — чем объектив больше, тем он ниже

[18] Объектив - самая дорогая и сложная в изготовлении часть линзовых и зеркальных оптических труб. Противоположен окуляру, в который смотрит глаз человека (в устройстве Астры окуляра нет, потому, что устройство для подключения к нейрочипу) - находится на дальнем торце